

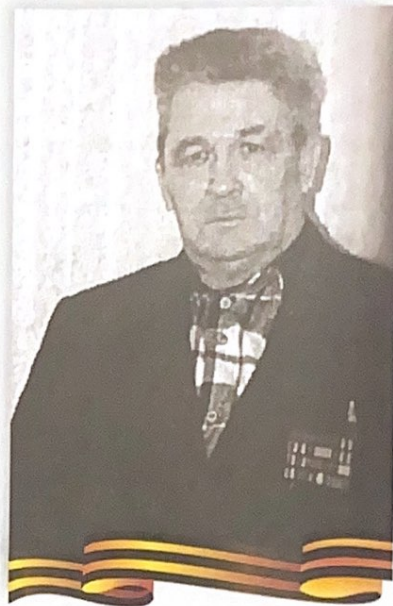
КОЛПАКОВ

Анатолий Александрович

Войну прошёл рядовым, заслужив два ордена Славы II и III степени и медаль «За отвагу». Демобилизовавшись в 1947 году, вернулся в родную Шелокшу. Работал трактористом МТС, бригадиром тракторной бригады, потом, вплоть до ухода на пенсию, 31 год на нефтеперерабатывающем — водителем цеха № 14, товарным оператором цеха № 23.

— Я попал на фронт в августе 43-го на Орловско-Курскую дугу, правда, уже под конец операции по разгрому фашистов. Боевал пехотинцем в составе четвёртого полка второй воздушно-десантной гвардейской дивизии. Полк у нас был — сплошь молодые, необстрелянные солдаты, даже командир взвода, и тот имел лишь звание сержанта. Меня, восемнадцатилетнего, сразу же назначили командиром отделения. Шли с боями до Днепра, потом сходу его форсировали. После Днепра меня ранило, пролежал я в санбате недели три — и снова на фронт, теперь уже в истребительно-противотанковую батарею седьмого полка. Между собой мы её называли «Прощай, Родина», потому что немцы за нами здорово охотились. Мы стояли вместе с пехотой, не как тяжёлая артиллерия — где-то позади, два километра, а прямо на линии огня. Основной удар противника приходился по нашим пушкам и пулемётам. Нас даже своя пехота боялась, они нас просили: «Вы уж лучше где-нибудь подальше вставайте».

Под Житомиром, в районе Корсунь-Шевченковского окружения, мы оказались отрезаны от своих. Вышло так, что наши войска взяли в окружение большую немецкую группировку, а немцы, в свою очередь, нас окружили. Боеприпасов у нас с собой было всего ничего — ящика три-четыре, патронов у пехоты тоже в обрез. Прилетит наш «кукурузник», сбросит боеприпасы — тем и воюем. Около трёх недель там простояли. Правда, и немцы нас до поры не трогали. Когда наша армия начала сжимать кольцо окружения, гитлеровцы попытались прорваться к своим. Мы прямо на их пути были — две наши пушки да взвод пехоты стояли в боевом охранении, где-то на километр впереди основных сил. Вот тут нам уже досталось на всю катушку. Мы приняли первый бой. Шли танки, за ними бронетранспортёры с немецкой пехотой. Мы по ним открыли огонь, а снарядов у нас — раз-два и обчёлся. В общем, подбили мы два бронетранспортёра да один танк, когда немецкая пехота на нас пошла. Пять снарядов выпустили по ним и начали отбиваться. Надо было как-то выбирать, но пушки же на себе не потащишь, зимой было дело, а лошадей мы оставили неподалёку, у дома лесника. Отправился я за ними, а там уже немцы — чуть было к ним в руки не попал. Положение безвыходное, пришлось одну пушку бросить. Выбрались к своим,



и тут по нам опять ударили крепко, танки на нас пошли, пехота, ад кромешный. Дотемна, лёжа в снегу, отстреливались. А как стемнело, пушку с двумя оставшимися бронебойными снарядами на себе вытащили. Там, где мы вчера были, уже танки немецкие разъезжали. Снова мы со своей пушкой, да ещё один истребительный батальон, встали в оборону. Гитлеровцы опять в атаку пошли, бросили на нас «тигра», а у него броня такая, что наши танки её и в лоб не пробивали. Последние два снаряда по нему выпустили, а всё без толку, рикошетом. Раздавил он нашу пушку, а у нас ещё две бутылки с зажигательной смесью оставались, ими его и подожгли. К вечеру, когда у нас уже и пехоты-то почти не осталось, нас сменила другая часть. За те бои я получил первый Орден Славы.

Вторым орденом, Отечественной войны, меня в Карпатах наградили в 44-м году, когда нас перебросили на Четвёртый Украин-

ский фронт. Был там один интересный случай: утром заметили, что за ночь напротив нашей обороны, по другую сторону оврага, окопы немецкие появились. Лейтенант Глиниченко приказал по ним бить. Расстреляли их в упор. Решили проверить. Спустились втроём через овраг, а там спящие немцы — устали они, всю ночь окопы рыли. Так мы их и взяли сонных вместе с пулеметами. Тут нас с линии немецкой обороны заметили и давай из пулемётов

бить. Можно сказать, легко от-
делались, из наших одного толь-
ко зацепило. Получил наш коман-
дир Глиниченко взбучку хорошую
вместе с благодарностью за взя-
тые «языков». Там же в Кар-
патах мы похоронили и команди-
ра взвода, и командира батареи.
Заняли высоту с двумя пушками,
проход к тылам защищали, нем-
цы нас оттуда хотели выбить. От-
бивались целый день, лейтенанта
Глиниченко вечером ранило, ког-
да нас уже трое осталось, но не

бросил он нас, не пошёл в санбат.
Отпустил погреться, а сам у пуш-
ки дежурить остался, тогда-то его
ещё раз ранило, уже смертельно.
В конце концов в живых из всего
расчёта остался я один.

Медаль «За Отвагу» мне под
Ужгородом вручали, второй Ор-
ден Славы в Чехословакии, за
взятие Остраво-Моравска. Но
в конце войны знамя нашей ди-
визии вместе со штабной маши-
ной попало в руки врага, так что
полк наш расформировали.

22 февраля 2000 года



КОНДРАТЬЕВ Владимир Фёдорович

Родился 12 июля 1923 года в Куйбышеве (Самара). Его школьный выпускной вечер состоялся 16 июня 1941 года. Через 6 месяцев, окончив училище, младший лейтенант-химик Кондратьев оказался в действующей армии. Сталинградский фронт.

В 1942 году попал в плен, в марте 1945 года в Австрии совершил побег. Победу встретил в партизанском отряде австрийского освободительного движения. После войны дослуживал «срочную», потом учился в тех-

никуме. После окончания — сначала заочный, потом вечерний институты, работа на Орском нефтеперерабатывающем, на Новокуйбышевском...

В Кстово Владимир Фёдорович прибыл в 1964 году, работал дежурным инженером, начальником установки, начальником цеха, главным технологом, главным инженером завода. В 1977 году Кондратьев возглавил производственное объединение «Горькнефтеоргсинтез» и работал в этой должности до 1984 года.